

**Сергей
Абраменко**

**Арба
судьбы**
СТИХИ

**г. Снежинск
2006**

Абраменко С.И. Арба судьбы. Стихотворения. Челябинск: Цицеро, 2006 — 116 с.

© Абраменко С. И., 2006 г.

* * *

Жизни пули — года —
Прямо в сердце.
На кресте ты всегда,
От ... до смерти.

И Христос — лишь пример,
Осознание,
Что рождение — лишь дверь
В умиране.

Прогорелые дни
В будней дыме.
Головешки их там,
Под босыми.

И горят те кресты
Вместе с нами,
Души тщетно кричат
Под Часами.

* * *

Повстречался мне
В чистом поле вдруг
Серафим седой
Очертил мне круг,

Он в глаза взглянул,
Вижу, все не так,
Как свечу задул,
И посеял мрак,

Он взмахнул крылом,
Я увидел вдруг,
Как летят года —
Тополиный пух.

В вихре времени
В даль уносятся.
Не поймать, вернуть —
Не воротятся.

Он взмахнул вторым —
Серафим седой.
И дошло мне вдруг:
— Я не молодой...

Он укрыл меня
Пеленою крыл,
И мне белый свет
Черен стал, не мил,

Пред глазами ночь,
Нету боле дня,
То душа моя
Кинула меня.

Я бы взять хотел
Повернуть всё вспять,
Чтобы в душу — свет
И чтоб радость жать,

Только нива та
Не для радости,
А для горюшка
Мне на старости.

Только поле мне
Заросло тоской...
Описал мне круг
Серафим седой.

Кукушка

Синяя, садовая ограда
Протянулась рядышком с тропой,
На ветвях кукушка мне в награду.
Попросил: «О жизни песню спой!»

Долго мне кукушка куковала,
Толковала долгое житье...
После мне цыганка нагадала,
Словно бы подслушала её.

Карты мне раскладывала круто,
Будущее, прошлое смешав.
Что на сердце, чувствовала будто,
«Правды» мне с три короба наврав.

Правда, та неправда, почему-то,
Вдруг случилась на пути моем,
А кукушка плакалась кому-то,
В голубой рыдала окоем.

* * *

По Чумацкому шляху небес
Все возы, да арбы, да телеги...
Соли Бог отсыпает на вес
Горстью полной на слезы, как снега.

На колесах она и плечах,
На руках и на хлеба горбушках
И пудами лежит в колеях
И на жизней дешевых полушках.

Этой соли отведаешь вкус
На ухабах судьбины ненужной,
По которым волом я тащусь
К роднику, надрываясь натужно.

Все туда, где манит горизонт,
Все туда, где сиянье на склонах.
И глаза застилает мне пот,
Солью белой, вкрутую, соленный.

К небесам я иду за судьбой,
Хоть и ведаю, недостижимы,
Чтобы жажду святою водой
Утолить, родниками даримой,

Чтоб под крышею сини шатра,
Над морями судеб вознесенной,
Отдохнуть хоть на миг у костра
Не средь степи, от горя соленой.

Но, похоже, что нет в небеса,
Кроме смертного хода, дороги.
Кто мы здесь? На травинках роса,
Что исчезнет слезою убогой.

Кто мы здесь? Мы — в пустыне песок,
Что струится из Вечности в вечность, —
В реках соли, текущий поток,
Средь дорог, что ведут в Бесконечность.

Кто мы здесь? Мы — рабы суеты!?
Ну, кому мы нужны во Вселенной?
И, похоже, до нас — босоты,
Нет у Господа дел, несомненно.

По Чумацкому шляху волны
Все ползут в горизонта границу...
Соль течет из горстей на доли...
И не видно реки, чтоб напиться.

Идея

В бездонной темноте,
И в полной пустоте,
Господнею рожденная десницей,
В светлейшей чистоте,
В потока полноте,
Средь струй идей, еще одна родится!

И носится в умах,
Порхает и парит,
Под альфа-ритмы в мозг она ложится,
Как света блик, ясна,
Отвергнута летит!
И в вечности стремится раствориться!

Все это на земле,
Все это — среди нас
Проходит ежечасно, бесконечно.
Идет парад-алле
Без всяческих прикрас,
В нем к новому мы глухи, бессердечны.

И в этой суете,
Среди бегущих орд,
Молящихся, кто богу, кто аллаху,
Ее, под злобный ор,
Выводят на позор,
А то и просто, к палачам, на плаху!

Но, все ж, грядущий век —
Эпохи новый миг —
Он также новой мыслью озарится.
И новый человек, что новое постиг,
Под выстрел новый снова устремится.

Он на Голгофу крест,
Как прежде понесет,
Избит, оплеван, сквозь толпу глухую...
Лишь после Благовест
О нем в набат пробьет,
Когда звонарь о Боге затоскует.

* * *

Над трагической ролью людскою
Поработал великий злодей,
В роль вдохнул он полет за мечтою
И работу средь мира идей,

Дал сознания божию искру,
Крошек разума высыпал горсть,
Жизнь, короткою сделал, как выстрел,
Показав, что всего лишь ты гость,

Что всего лишь участник забегов
На этапах его эстафет
С выбыванием тех, кто отбегал
На кругах улетающих лет,

Что всего лишь ты в мире песчинка
В золотых временных жерновах,
Его ветром ты — мчима пылинка —
В его мигах, секундах, годах.

Так какая же мощная сила
Заставляет, из от веку в век,
Тебя рок отвергать свой постылый
Возрожденьем! О, мой Человек!?

Триптих

В картинной галерее бытия
Сюжетов нарисовано немало,
Над триптихом тружусь сегодня я,
Душа болит и кисть летит устало.
Но, я её полёт не прекращу,
Последние мазки осталось сделать
(Немного от восторга трепещу)
Вот, ухо подмалёвываю белым,

А вот ультрамарин,
А вот и сизый нос,
Ай, да прохвост, однако, получился,
И не один,
А рядом с ним барбос,
Он только что на стенку помочился.
И с лаем громким воспеваает жизнь,
Ещё бы, наступило облегченье...

Вот птица, улетающая ввысь,
А вот толпа...
Вот-вот она в движенье
Придёт и, разорвав ненужный холст,
Ворвется с шумом в наше измеренье.
О чём они шумят?
О чём идёт их спор?
Из-за чего вдруг разгорелись страсти?

Сюжет второй в моём холсте стоит.
Он посвящён вселенскому Содому.
Табун уродов всё вокруг крушит,
В стенах родного, милого Дурдома.
Глаза горят и верою полны,
Что все потом, когда-то будет лучше,
И пляшет мир под дудку Сатаны
На нашей голубой навозной куче.

Трудна дорога в нашем бытии,
Извилиста, порой неодолима,
И суетна... порой века, не дни,
Проходят в хлопотах пустых,
Бесцельных...

Мимо...

И среди этой мелкой суеты,
Коллизии крутые возникают.
В Трагедии, что лезут на холсты,
В Комедии они перерастают.

И, подглядев какой-нибудь сюжет,
Подобный нарисованному мною,
Устанешь ты душой на сотни лет
И пожелаешь вдруг придти к покою.
Но, нет его. Увы, так создан Мир!
Со дня пришествия, явления народу,
Волна жиреющих, наглеющих проныр
В Крестовые свои идёт походы.
Как на Голгофу Мир несёт свой крест,
И кровь людская омывает кручи.
Упавший под пятами землю ест,
И солнце золотое из-за тучи
На это всё, усталое, глядит,
Оно всех греет и оно всех выше.
Уже нам ничего не говорит,
А, может, шепчет, только мы не слышим.

В сюжете третьем — только тишина...
Растекшаяся красками простора,
Безбрежна и конечно не ясна,
Итоговая линия узора
Того ковра, что Завтра нынче ткёт,
Задумчивости нитью во Вселенной,
Оно грядёт, оно уже грядёт,
И не прервётся — ведь оно нетленно.

Оно придёт!..

Где будет место нам?..

* * *

Сидящий над нами,
Всевидящим глазом
Нас оценил.
Нам наклейки навесил,
Расставил на строках дорог
И страданий
Нам дланью небесной
Различно отвесил.
Нам души вдохнул
И, пустив в одночасье,
Не всем удосужился
Выделить счастья.
Не всем он отмерил
Немного удачи,
Похоже, ее не хватило,
Иначе,
Зачем бы, сидящему
Где-то над нами,
Раздор и несчастья
Большими горами
Нам в судьбы вставлять,
Ну, зачем бы то было?
Похоже, и счастья
На всех не хватило.
Одним две звезды
Загорелись на небе,
Другим...
Затянуло все звезды
Над ними
И мраком замкнуло
Каморки их судеб.

Похоже, и звёзд не хватило,
Не будет.
И жизнью нелепой,
По воле возницы,
В упряжке арбы
Им, страдая, тащиться
И только во снах,
Что приходят к нам ночью
Крупинками радость
Блеснет им нарочно.

* * *

Нас хвостатый наездник
Нагайкой-судьбиной,
Взгромоздившись на плечи,
Пытает порой,
И гоняет и ездит,
Гоняет и ездит
И стегают нелепою
Нашей мечтой.

Изгаляется, скалясь,
Не зрим он, не виден.
Его тень лишь мерцает
На канувших днях.
И она нас пугает,
Мерцая, пугает,
Пути рвать заставляет
На наших ногах —

Пути наших сомнений
И тех идеалов,
Что, с приходом на Землю,
Ему не пришлись.
Он их рвет, раздирает,
Все рвет, раздирает,
Миражами сменив,
Что вокруг разлились.

И в восторге от мифа
С распущенной гривой,
И ушами прядая,
Как бешенный мул,
Ты бежишь вслед за ними
Бежишь вслед за ними,
К пузырям,
Что хвостатый наездник надул.

Там все кажется лучше,
Прекрасней и ярче,
И родник и прохлада,
И зелень пышней.
Тем сильнее потери,
Сильнее потери,
Целей ставших ничем,
И на сердце больней.

И, обманут, стоишь ты,
Друзей растерявши —
Простаков, что к другим
Все бегут миражам,
Но, опять соблазнившись,
Опять соблазнившись,
Проклиная их,
К новым спешишь рубежам.

* * *

Скачет маленький теленок,
Радуется жизни,
Счастлив! Он еще ребенок —
Рассыпает мысли!
Он растет! Своей тропею
Весело шагает,
Он доволен, с чистотою
Мир воспринимает.
Он спешит испить водицы
Родника живого,
Что на землю к нам струится
С неба голубого.
Не познал он неудачи,
Тяжкие невзгоды.
И возок по кочкам скачет
Баловня природы.
Пусть глаза его как зори
Светят и играют,
И пускай поменьше горя
Бог ему сужает.
Пусть его Отец увидит,
И теплом согреет
И судьбою не обидит...
Только ...не сумеет.
Не до этого... Похоже,
Выписаны Святцы...
Удила все строже, строже...
И не разгуляться.

* * *

Начертан путь!
И не свернуть!
И не уйти!
Не скрыться!
И то копыто не минуть,
Чтоб вдруг да не напиться.
И в виде драного козла
Вдруг не предстать народу.
Судьба — стрела!
Судьба — игла!
Нет от неё свободы!
Ты ею как гвоздем прибит
На том кресте Голгофы.
И крепко-накрепко пришит
К ковру своей эпохи.
И не всегда,
При всем при том,
Тебе лежит от веку
На том кресте,
На том ковре
Остаться
Человеком.
Сокрыта Будущего нить —
Судьбы предначертанья.
Но, может быть,
Но может быть,
При сил сложеньи странном,
Сорвешься хоть на миг с креста,
При сил сложеньи странном,
И станешь миру за Христа —
Столпом и великаном.

И развернешь
Живой поток
Предутреннюю ранью
Туда, куда велел Пророк
В пустыне
Мирозданья.
И, воспаривший над землей,
Под силой тяготенья,
На крест свой упадешь звездой
И снова станешь тенью.
Но судеб временная нить
Рисунком ляжет новым.
Хоть будет мир,
Как прежде, жить...
Как прежде
Замордован.

Вещий сон

Над моей головой
Раскрывает шатер
Небосвод, весь утыканный звездами,
Над моей головой
Догорают костер
Заряницы — углей ее гроздьями.

И на плечи мои
Опускается сон...
Из потока небесного, вечного
Их несутся рои,
Из веков испокон —
Повелители судеб беспечные.

Я иду среди сна
По каким-то лугам
Сквозь туманное тихое марево,
И дорога ясна,
И встречаю я там
Предсказателя вещего, старого.

Он мне слово сказал,
О судьбине моей,
И тропу мою дальнюю высветил,
И, пока я мечтал,
Он исчез среди теней,
Только путь над пучиною вычертил.

— Ты иди, он велел,
— Среди новых миров,
За тропой, за неясною долею,
Свой узнаешь удел
Среди буйства ветров,
Головою рискнувши, не более.

Я коня оседлал,
За спиною костры
На холмах — на моих начинаниях,
Из надежд, что соткал,
Догорают шатры,
На пожарищах-углях-мечтаниях

И горит за спиной
Не святая заря,
Полыхают надежды несмелые,
И как снегом — тоской,
Покрывает меня,
Сединой опускается белою.

Спотыкается конь,
Я лечу из седла,
Удержаться наивно пытаюсь.
Где же конь мой — огонь?
От него лишь зола,
Что Всевышний оставил, играюсь.

Надо мною висит
Лунный диск в темноте,
Отраженным сияет мерцанием,
Словно свечка горит,
По мирской суете
И по жизни моей в мироздании.

Отделяет тот свет
То, что скрыто вдали,
За темнот бесконечными кручами,
От того, чего нет —
Миги — те, что прошли,
Занавесями — снами летучими.

И все кажется мне,
Что вот-вот я проснусь,
И вернусь в мир наш светлый
и радужный,
И промчусь на коне,
И по росам пройду
И судьбу свою сделаю радостней.

* * *

Везу свою арбу судьбы
По жизни к месту назначенья.
О! Те арбы мы, как рабы,
Всё тащим с самого рожденья.

А на арбе ненужный хлам
Из лет и из переживаний,
Обрывки из минувших драм,
Лохмотья из былых страданий,

Игрушки старые страстей
И блески мишуры от счастья,
Подарки старые друзей,
Пропавших, как-то, в одночасье.

Мои давнишние мечты
Лежат в арбе под самым спудом,
Под ворохами суеты,
Не исполнимые покуда.

Я упираюсь! С ней борюсь!
Ищу свободного полета!
Но, волею её, тащусь,
И жду, как водится, чего-то.

Но мир устроен неспроста,
Так удивительно нелепо,
Что жить нельзя нам без кнута,
Так обжигающего слепо.

Удары сыплет нам — волам
Сидящий на арбе, не спящий,
Нас отправляет по делам,
А, напоследок, просто в ящик.

И, вылетая из узды,
Душа несется прямо в небо,
Освобождаясь от судьбы,
Из были создавая небыль.

* * *

Мои мысли, как птицы...
Они прикорнули на ветках мгновений.
Всё спокойно в душе;
Их усталость, как осень листву, прибрала.
В полусонном бреду
Нахожусь я во власти видений,
Распустили киношники-сны
Надо мною сюжетов крыла.

Нет в тех снах ни убийств,
Ни погонь, ни стрельбы, ни злодеев,
ни драки,

Нет в них взрывов снарядов
И вспышек сигнальных ракет.
В этих снах мы, притихши,
Взираем с восторгом на знаки,
Что рисует со сцены
Всей жизни Театра — балет.

Умирающий лебедь
Трепещет над миром, прощаясь...
Вот Икар в небесах!..
С облаков устремляется ввысь!..
Сквозь столетия вижу,
Как перья из крыл выпадают
И за каплями воска
Кружась осыпаются вниз.

Я к нему подбегаю
И только лишь тут понимаю,
Что сказать он хотел
Нам полетом к Светилу своим!
Осознав это,
— Воска хватит на жизнь!
Их слепил!
Надеваю!
— Летим!

Картинки
с
«ВЫСТАВКИ»
ЖИЗНИ

* * *

Улицы заполнены народом,
Таёт время в шуме городском,
Тихо отражается природой
Каждый миг как в зеркале большом.

Зеркала, зеркала, зеркала...
В них и радость, и смех, и драмы...
Человеческие дела отражают они упрямо.

А за гранью полу-бытия
Есть его вторая половина.
Смотрит на меня оттуда Я,
Я же отражаюсь, как картина.

В зеркалах и дела и мечты, —
Всё смешалось, теряя детальность,
И, той грани смещая черты,
Искривляется мира реальность.

Мы рукой киваем по привычке
Отраженьям в зеркале своим,
И несёмся вместе с симметричным
Миром, нам так близким, но иным.

Зеркала, зеркала, зеркала...
Дарят миру они отраженья
Несуразиц, добра и зла,
Необычности каждого мгновенья...

* * *

Прошло немало после пробужденья,
С тех пор, как я, несчастным
Робинзоном,
Был выброшен сюда...
На берег дикий...
Корабль разбился...
Эко невезенье!..
Среди развалин я Империи великой.

Здесь всё растащено
по норам и по зонам,
поделено, разграблено, пропито.
В руинах прошлое...
А было время оно,
Которое почти уже забыто,
Не так уж пошло...

Оно преследует,
как будто наважденье,
Среди недель голодных и забытых...
Не покидает даже в воскресенье
Нас мысль о нём,
О веке том...
убитом...

Когда б я жил бы снова
в мире том...
Среди друзей, исчезнувших куда-то,
Придавленных погибшим кораблем,
Разбросанных по миру...
Несбыточна сама мечта о нём...

* * *

Какие смутные настали времена!
Всё перестройка.
Бузит, рулит моя страна!
Куда вот только?

Какие странные настали времена!
На барахолке
«Фарцы» и рэкета волна...
Плодятся... Волки...

Какие сложные настали времена
На нашей «кухне»!
Слова... Нет дела ни хрена!
И «рыба» тухнет...

* * *

Вечер наступает,
Жаль, что денег нету.
Магазин сияет,
Где бы взять монету?

Где бы взять монету?
Вечер наступает,
Жаль, что денег нету,
Магазин сияет.

Жаль, что денег нету,
Магазин сияет.
Где бы взять монету?
Вечер наступает,

Магазин сияет.
Жаль, что денег нету.
Вечер наступает.
Где бы взять монету?

ЖИТЕЙСКИЙ ЭПИЗОД

Реклама

На столбе, у стоянки у самой,
Вижу я, налепили рекламу.
А на ней напечатано вот что,
Повторяю Вам это построчно:

«Читайте! Читайте Сами!
Всему передайте народу!
От умных, красивых, до самых
Пеньков, дураков и уродов!

У нас открывается служба
«Розыск всего на свете!»
Ищем мы всё, что Вам нужно!
Розыск пропавшего ветра!

Летом — вчерашнего снега,
Полюс мы ищем, экватор,
Хвост от пропавшей омеги,
Лошадь твою, литератор!

Ищем за Ваши бабки:
Фунты, евро и баки,
След пробежавшей кошки
И даже блох у собаки!»

Очень понравилось, братцы,
Мне, Вам скажу, объявление,
И к ним я пришел повстречаться
В прошлое воскресенье,

Чтобы, коль может статья,
Что-нибудь, вдруг, случится,
Знать хоть, за что хвататься...
Словом, а вдруг пригодится.

В офисе

И вот, вхожу я в это помещение —
Подвал, как водится, обоями обляпанный!
А во дворе, опять же воскресение,
Декабрь на улице, а на душе приятно.

И встречает меня важный клерк.
Говорит он мне речи учтивые.
Зажёт он во мне фейерверк
Идеями больно красивыми.

Да мы, говорит, для Вас,
Звезду раздобудем дальною.
Да мы, говорит, сейчас,
Их тащим для всех, повально.

А если Вам, что поближе,
Так это — со всем уважением!
Цены — нет наших ниже!
В этом нету сомнения!

Если нужны Вам шмотки,
Это мы Вам мгновенно,
Даже Бушевы ножки...
И поперчим непременно!

И мне банку под нос, с перчиком,
После слов тех поднёс клерчик...
Я поверил ему, сдался,
С предоплатой своей расстался.

А просил у него я, только-то,
Чтобы Мир он добыл красивее,
Где бы жили мы, хоть на сколько-то,
Хоть на чуточку, но счастливее.

Он взглянул на меня, опешив,
И, похоже, что с подозрением.
Но, потом, собрался, навешал
Мне лапши, с чуть заметным презрением.

Подавил, постучал по кнопочкам
Благодетель мой новоявленный,
Чек мне выдав, сказал, что, мол, я, потом,
Стану очень всемирно прославленный,

Что поставят мне, прямо вне конкурса,
Медный памятник, прямо как в Питере,
И ещё, чтобы не беспокоился,
Дескать фирма его — не любители.

Начало новой жизни

Ну, я как бы сказать?.. Успокоенный!
Взял, да мани свои то и выложил,
А потом, распрекрасно настроенный,
Из подвала трусцою и выбежал.

В небе солнышко светит, балуется!
Прямо, в мусорке, нищий копается!
И такая житуха рисуется,
По тому, как она начинается!

А у него такая аховая
Ситуация, такая пиковая!
Жизнь — не ключиком, а связкою —
бахая,
Этот мусор для него выкатила.

Мысли нищего

«Эх-ма, кабы знать,
И кого хулить, и куда бежать?
Что же ты, моя жизнь?!
Хоть чуть-чуть ко мне
Не глухой стеной,
Не голодным ртом
Повернись!
Дай мне роздыху
Хоть на день!
Дай привстать хоть чуть
Мне с колен!
Эх-ма, кабы так,
Да попал бы мне четвертак...
Хоть бы миг один мне пожить
Или хоть бы где одолжить...
Да не даст никто,
Очерствел народ...
Все инфляция...

Не даёт!..
А тут этот ещё!
Идиот!
Улыбается!
Душу рвет!
Озабоченный, блин, козёл!
Прямо роет копытом пол!
Побеседую, коли так...
— Чё те надо, чувак?

Подошел я к нему, чтоб порадовать.
Поглядел на меня он с неприязнью.
Вдруг, да стану я в баки заглядывать
И чего в них, возьму, да и выловлю.

Разговор с нищим

— Холодноовато...
— Не жарко... Не Сочи...
— Трудно?..
— Не сахар... Два дня не жевал,,,
— Ну а с работой?..
— Не ставят на очередь...
Под тридцать третью недавно попал...
Ну и погнажи...
Теперь, видишь, тут вот...
Новою жизнью, как в сказке живу...
— Как настроенье?..
— Зима, блин... Не шутики...
Тут про мороз просечёшь наяву...
Ты б отвалил...
Шел бы дальше...
Короче!
Шел бы туда,
Куда раньше шагал!
И отвернулся...
А солнце к закату
Тихо клонилось...
Вечер упал...
Город шуршал...
И один на планете
Я, среди стен его,
Грустно молчал...
Думал...

Описание природы

А по городу природы,
До... и более...
Небо... розовеет между тучами.
Дерево, ободранное, голое...
Ароматы городские — не соскучишься...
«Иностранная» машина косолапая
Грязи серою грунтовой обляпана...
На углу мужик стоит, бутылку лапает...
Падал видно, тоже весь устряпанный...
А по городу природы,
Окружающей,
Много ты увидишь, поднатужась.
И такой к себе «располагающей»...
Просто ужас!..

Одинокий бомж

Вот путник хилый, одинокий
Тащит свой горб среди дорог,
Нажитый им по воле рока,
Ну и на лбу огромный рог.

В тряпье, ободранный, усталый
И с фонарями меж очей.
Наверное, ему попала
«Придача» к паре калачей.

Похоже, что ему на рынке,
В процессе битвы за «Судьбу»,
По ребрам всыпали ботинком,
Ну и по роже, и по лбу.

Быть может, было все иначе;
Залез он в сад, украсть горох,
Застукан был как бомж на даче
И вызвал там переполох.

Ну и пока его гоняли
По саду, словно бы мыша,
То башмаком в него вкатали,
В башку попали не спеша,

Потом, влепив под оба глаза
Большим, «рабочим» кулаком,
Направили удар, заразы,
Под спину черным сапогом.

И, вот, теперь, идет горбатый
Мой бедный путник средь дорог,
С мешком картошки и лопатой,
Той, что хозяин не сберег.

И я иду, в душе я плачу,
Когда я вижу этот рог
И тот фонарь, мешок в придачу,
Лопату, горб среди дорог,

Тряпья рваньё, треух и китель
С вон тех военных, давних дней,
Когда был бомж тот — Победитель,
Строитель Родины моей.

Потом, отвергнутый Россией,
Что развернула перестрой,
Он стал ненужным, извините,
Как на заду нам геморрой.

И вот теперь идет горбатый
Тот дед, лицо разбито, лоб,
С мечтою — вырыть щель лопатой...
Но кто в нее опустит гроб?..

День зарплаты

В день сегодняшней зарплаты
Я, раздумья прекратив,
В ванной весело помылся,
Бритвой рожу поскоблил,

Погляделся на творенье
Своей мамы и отца
И схорошим настроением
Вспомнил в этот день Творца.

Ведь сегодня — День Зарплаты!
Он — один из лучших дней!
Он, конечно же, ребята,
Прежних много веселей.

Вот ещё вчера я, братцы,
Думал: «Где б ещё занять?»
И смотрел в жировку-святцы,
Вспоминая про «мать».

А сегодня, посмотрите,
На работу я иду
Очень радостный, Ну, что ты!
Речи светлые веду.

Например, о том, что нынче
Я долги свои раздам
Например, о том, что нынче
На мороженое дам,

Своей меньшей... или яблоч
Килограмм — другой куплю.
Это будет всем подарок!
Я их делать так люблю.

Целый день, такой хороший
Пролетает, и прощай.
В кассе очередь... Похоже,
Припозднился, незначай.

Я не крайний, в середине,
Чуть взволнованный, стою.
Размышляю о машине,
Как её я напою

Да и сам по пиву врежу,
Всё же праздник, как-никак.
Жаль, что как-то реже, реже
Есть на пиво четвертак.

И, на этой сладкой ноте,
Я к окошку подхожу.
Называюсь. Авторучку
Обнадеженно держу.

Отсчитали. Расписался.
Только что-то здесь не так?
На жировке числа больше,
Чем на ведомости знак.

То, что выдано, похоже
На насмешку. На прикол.
Да... В мои мечтанья всё же
Тихо вкрался друг-прокол.

Хоть долги отдать и хватит,
Но ни яблоч, ни пивка.
На картошку снова, значит,
И на хлеб без молока.

И машина не напьётся.
Постоит ещё чуток.
И с пломбиром не сойдётся.
Обождём ещё разок...

Кто-то где-то строит дачи:
На багамах и в крыму,
Кто-то весело дурачит
Нас толпой, по одному,

Кто-то строит пирамиды,
И почище, чем Хеопс,
Кто-то ездит на корриды...
Но встаёт один вопрос:

Почему мою зарплату
Мне забыли заплатить?
Кто? Куда её запрятал?
Кто мне может объяснить?

На жировке чисел куча!
На мечты должно хватать!
Но приходится покруче
Вновь о «маме» вспоминать.

.....
Человек встречает утро.
Продирает он глаза.
На столе, похоже, пусто...
Кот шныряет — егоза.
Он к хозяину и левой,
Он и правой стороной.
— Посмотри, какой я шустрый!
Он мурлычет:
 «Я такой!»

Правда, ребра через шкуру
У него с утра видать,
И, как видно, с голодухи,
Ветром стало, вдруг, сдувать.
Но надеется на чудо...
Вдруг, хозяин даст поесть.
— Ясно! Даст!
 Скажу Вам, люди:
У него ж ведь Совесть есть!

Жизнь сегодня — не подарок...
Кое кто нажил жирок,
Нас устроил всех на нарах,
Наши бабки уволок,
Весь народ в барак упрягал!
Голод по стране идёт,
Потому, что всё захапал
Наш номенклатурный сброд!

Вот поэтому-то, нынче,
Когда солнышко встаёт,
Наш гурман яйцо не ищет
И чаюхи он не пьёт.
Он коту бросает корку
От хозяйских от щедрот...
Тот урчит над нею волком
Или, может быть, поёт...

Сам же из дому уходит,
Завтрак снова пропустив...

И кишки его заводят
Отработанный мотив.

* * *

Я брожу мимо местного «МУРа»,
Так сказать, по уральской природе,
И трясусь по дороге натурой
От какой-то дворянской породы.
А в окошко глядит участковый,
Крепкий телом и в шапке с кокардой...
На душе у меня очень клёво,
Потому, что на улицах ладно.

Знаю я, он меня защищает,
Хоть не знает меня он, похоже,
Он меня от бандита спасает,
С ним меня перепутать не сможет,
Потому как я хилый и тощий
И к тому же слепой и сутулый,
И торчат, словно тень, мои мощи
И худые унылые скулы.

Он бандитскую чувствует рожу,
А особо на нашем Урале,
Ведь бандит на меня непохожий,
И об этом в листовках писали.
Потому как, про розыск бумажки
Возле «МУРа» я часто читаю,
И гляжу я на Вас, «промокашки»,
Как Вас травят по нашему Краю.

Нет, не спит дорогой участковый,
Он бандитов с полуночи ловит,
Потому что он очень «здоровый»,
Потому по ночам и «буровит».
Он наловит бандитов за ночьку,
В каталажку их быстро доставит,
Постучится им в пятую точку
И на путь их хороший наставит.

С бандюками такое боренье
День и ночь, ночь и день происходит.
Все в работе, и нет воскресенья,
Ведь бандиты и в праздники бродят.
Да, не спит на посту участковый
Ни в посты, ни в холодные будни,
Воспитатель, конечно, он «клёвый»,
Но и трудно ему, ох и трудно —

Бандюки, как коровы бодучи,
Ну и блох набирают помногу,
Ну а те, как известно, кусучи —
И свирепые, если их много,
Спать бандитам мешают ночами,
И от этого, снова и снова,
Те бузят и мешают нам с вами,
И поспать не дают участковым.

И тогда те заводят машину,
И порядок наводят, газуют,
Берут в каждую руку по дрыну,
Ну и блох этим дрыном лупцуют.
Иногда, то бывает случайно,
Мимо ловкой блохи промахнувшись,
Попадут и по точкам... нечаянно,
От досады, конечно, ругнувшись.

Блохи тут же бегут врассыпную,
Чтобы снова всем вместе собраться,
И залезть на «корову» другую.
С участковым, дабы расквитаться...
Запасаются всякою дрянью
И, нанюхавшись нафталину,
Бродят ночью и утренней ранью,
Чтобы счета свести с «ментовщиной».

И не спит мой родной участковый,
Он резиновой, черной дубиной,
Блох кусачих лупцует по новой,
А промазав, по «глупой скотине».
Блохи вновь удирают, роятся,
И бандиты опять колобродят
Не дают нам с тобой отоспаться,
Снова шум, участковый приходит.

И такое вот круготворенье
День и ночь, ночь и день происходит
Все в работе и нет воскресенья,
Ведь бандиты и в праздники бродят.
Да не спит на посту участковый
Ни в посты, ни в холодные будни,
Воспитатель, конечно он «клёвый»,
Но и трудно ему, ох и трудно.

Я иду мимо окон их зданья,
Где маячит святая фигура
Говорю ему я: «До свиданья!»
У меня вот такая натура.

* * *

Толпа льстецов стоит у трона
И шепчет, шепчет, ядом брызжа.
И мыслей призраки-вороны...
В мозгу смятенье выше, выше...
И чудится, величья Бога
Уже достиг он... И, блаженна,
Улыбка... лести дарит тогу
И взгляд становится надменным
И воздымается! Взлетает!
И, милостиво приняв лавры,
Самодовольно отдыхает...
Под фальшь оркестра и литавры!..

Московский сюжет

Пирует старая Москва!
Царь, вновь Борис, воссел на троне!
И, подбираючи слова,
Указ читает о короне.

Народ в сей радостный момент,
Купив для отдыха с устатку,
Смакует сей эксперимент,
Все заедая шоколадкой
(Каких их только нынче нет!)

Сцена с народом (Двое и поллитра)

Первый:

— Скажи, Иван, совсем затрахал
Нас батька новый — государь?
И раньше жизнь была не сахар,
И до того, конечно, встарь,
Но чтобы так нас кто-то жахал...
Чтоб развелась такая тварь...
Такого не видали сроду...
Давай потянем по одной!
Нам неча ждать, не той «породы»
И кости мы с тобой не той.

Второй:

— Да ты не вой, браток-Петруша!
О прежнем... тоже... не скули.
И раньше эти жили лучше
И нас в дерьмо затем вели,
Чтобы, отмывши денег кучу,
Нам показать, к чему пришли
И как живем намного круче...

К какой добрались новой жизни!
Куда там, на хрен, коммунизм!
А ну, давай, Петруха, сбрызнем,
Помянем этот «онанизм».

И брось ты, Петька, причитать!
Кончай ты лозунгами шпарить!
О «царстве счастья» мечтать,
Башку ломать и «мозги парить».

Давай, с тобою вмажем лучше
За жизни нашей упокой,
За то, чтобы над нашей кучей
Хоть кто-то «встал» бы с головой.

Ведь сколь над нами «остолопов»!
И в лапу каждому вали.
И что им всем до нас, холопов!?.
А ты: «Куда нас завели?»

Давай на всё смотреть спокойно.
Гляди, какой стоит стакан.
Он выглядит вполне достойно.
Граненый нам с тобою дан.
На каждой грани у стакана,
Напоминая о судьбе,
Насечки мелкие царапин
Расскажут сами о себе.
Он был, когда мы воевали,
Он был, когда под пули шли
Вот доживет ли он?.. Едва ли,
До счастья общего земли?..

.....

Опять по сотке потянули,
Доели «Сникерса» кусок,
Опять же «маму» помянули
И, пригубив «на посошок»,
Стакан от капель отряхнули
И положив его в мешок,
Ушли, исчезли в пасти улиц...

.....

Бедует старая Москва...
Её окраин половина
Пьет водку, говорит слова...
И уркаганские «малины»
Гудят, аж кругом голова...

Гуляет старая Москва —
Прослойка, «выше середины»,
«Хрусты» бросает как дрова
К ногам распластанной Фемины.

И что про Родину «толочь»?
«Ликует» наша град-столица...
Идут торги и день и ночь...
Все продается в «белолицей».

«Армагедон»

— На солнце пятна!
— На солнце — вспышки!
Народ пугают,
Мол, будет крышка!

Тот суетится!
И лезет в норы!
Текут рекою
Повсюду споры
О дне кончины,
Из них, который?
А лица, лица!
На лицах горе.

Несется поезд
Волненья — скорый,
И суетится
Народа свора.
— На солнце вспышки!
— На солнце — пятна!
— Нам будет крышка!
— Тебе понятно?

И бузотеры...
Толпа... зеваки...
И гастролеры...
Ведь жизнь-то — на кон!
Последним ясно,
Что будет вспышка,
В карманах шарят,
Ища излишки.

Один попался —
Поймал по роже!
Но не бодался —
Себе дороже.
Поскольку нынче
На солнце бури,
Брыкаться можно
Лишь только сдури.

Моя Русь

Это было под вечер.
Это было вчера.
Двери брякнули в петлях.
Конь пошел со двора

И скрипучие сани,
Потащил, поволок,
Застоялый, буланый,
Мой кормилец, дружок.

И поехал я, братцы,
От родного крыльца!
Нет дороги обратной,
Нет дороге конца.

Только зимние версты,
Средь бескрайних степей,
Что бегут под полозья,
Моих старых саней.

В колеях этих санных
Я в соломе тащусь
Под луной долгожданной
По тебе, моя Русь.

В колеях этих прежде,
По родной зимине,
Шли другие, с надеждой,
К той, другой стороне,

Где и небушко выше,
Где и солнце теплей
И щебечет под крышей
Тот, другой, воробей.

И вела их дорога,
Лента шла без конца
От родного порога,
От родного крыльца.

Вдруг мой конь обернулся
И как будто спросил:
«Не пора ли вернуться?» —
Молча взгляд говорил.

Так в душе зацемило...
Сани я повернул,
И дружок, что есть силы,
Их домой потянул.

Степь бежала обратно
Из-под быстрых саней,
И светили мне звёзды
Всё родней и родней.

Вот и дом, и ворота
Заскрипели от чувств:
— Ты вернулся! Ты вот он!
А твердил: «Не вернусь».

Рады: конь мой — Буланка,
Ставни, печка и дом,
И краюшка буханки
И собака с котом.

А детишки и женка
Построились в ряд...
Я зашел в свою хату,
Принимаю парад.

Всем носы вытираю
И, конечно, в мечтах,
Я жену обнимаю
И ношу на руках.

Загремели тарелки,
Ложки дружно бренчат.
— Ну, куда ж я уеду
От этих галчат?

Тут и небушко краше,
Тут и солнце теплей
И щебечет родимый,
Рыжий, мой, воробей.

И куда я по свету,
Брат, от них потащусь?
Ведь Россия не где-то.
Этот дом — моя Русь.

Молитва перед сном

*О чем попросить тебя, Господи?
О чем попросить? О чем?*

Светлый день, ты уже не за лесушком,
Не за морем бескрайним, синеющим,
Не в ущельях глухих ты хоронишься
А встаешь над моею Россиею,
Над моею забитой, зашуганной,
Над моей, от ударов, растерянной,
Злобой ночи вселенской запуганной,
Над Россией моей неуверенной.

Светлый день, ты не скроешься
в сумерках,
Не утонешь во мгlistом ты облаке,
Не загинешь за теми заставами,
Не растаешь в туманном ты мороке,
Над моею Россиею горюшка
Без того выше крыши намеряно,
Не теряйся ты, светлая зорюшка,
Чтобы знал я, что жизнь не потеряна.

В снах хотя бы приди, наше ясное,
Освети полутьму сквозь оконьшки,
Брызни в росах алмазами чистыми,
Светлый день, наше доброе солнышко.
Тебе травы до долу-то клонятся,
Тебе рощи березами светятся,
Тебе птицы в тех рощицах молятся,
Тебе песни поют провозвестницы.

Отпусти ты его, Боже-Господи!
Дай нам жить, в свете добром купаючись,
Светлый день пусть встаёт, Боже-Господи,
Над Россией, на Жизнь подымаючи!

* * *

Спит под звездами тихая речка,
Прикорнул на ветвях ветерок,
Лишь гармошку слышать недалечко,
Тот певучий её голосок.

В переливах гармоника бродит,
Душу щиплет мелодии грусть,
Светлый месяц на небо восходит,
Тихо слушает музыку Русь.

Сонно слушает песню деревня,
Ивы, иволга и соловей,
Я не слышал той песни напевней,
Видно песня о жизни моей.

Колобродит в ночи, колобродит,
Тот нехитрый её перебор,
И уводит, уводит, уводит,
Этих звуков певучих узор.

И несет мою грешную душу,
Вдоль глубоких речных омутов.
Не спугну я её, не нарушу —
Эту песню гармошки без слов.

Смолкла иволга, плачет гармошка,
Речка стихла и носится грусть,
Но не гаснут, не гаснут окошки —
Это слушает музыку Русь.

**Сцены
из
«собачьей»
жизни**

Плач Жучки

Плачет серенькая Жучка молодая,
Бобика беднягу поминая,
И скулит она и хвостик поджимает:
«Бобик, Бобик, Бобик!» — причитает.

— Как же жить я буду — бедолага?
На кого ж ты бросил нас, бедняга?
Мы ж с тобой так дружно вместе жили,
Кости мозговые грызть любили

Плачет, плачет Жучка, завывает...
Городок унылый тихо ей внимает...
Вой несется долгий и тоскливый...
Нет ей счастья в вечер несчастливый...

Бобика прибили рэкетеры —
Местные бандиты и задиры.
Он на них залаял и обидел...
Более никто живым не видел

Бобика — беднягу и службиста...
Видно было что-то там не чисто
За душой у этих паразитов...
Вот он и лежит теперь убитый,

А душа его на небесах порхает,
Бабочек в раю в лугах гоняет...
И бегут, бегут по небу тучки...
И похожи все они на Жучку.

Перед чаем

На снегу оставались следы,
Никуда от них было не деться
Было холодно...
Сзади враги,
Страх в душе,
Страх в груди
И на сердце.

Где-то там, позади за кустом,
За сугробами треск и облава,
Очень холодно...
Снега листом
Лес покрыт,
Навалило...
На славу...

Вязнут лапы, плывут в молоке,
Пылью в морду оно закипает,
Очень холодно...
След на листке
И погоня
Уже
Догоняет.

Мир притих или просто застыл
Ствол с оптическим шарит прицелом...
Страшный холод...
Приклад приложил...
И в глаза
Посмотрел...
Перед чаем.

Мессия

Среди леса дремучего,
В нашей России,
Брел голодный, измученный
Зверь последний — Мессия.

Его миссия кончена
И минут многоточие,
А в следах — кровотоchie
От ударов охотничьих.

И все ближе до Господа,
До Христа человеческого;
Как же выжить не просто-то
Горемыке извечному.

В небесах закружившихся,
Устремившихся в бездну,
Жизнь пропала последняя
В этот день безмятежный...

Среди леса дремучего,
В нашей России
Пал последний, замученный —
Тот, звериный Мессия.

Лисичка

О чем тебе снится, лисичка?
О зайке косом, косялапом?
О пойманной маленькой птичке?
О пухленькой курочке-рябе?

О чем тебе снится, лисичка,
Среди лесовой непогоды?
Капает с листьев водичка.
Над норкой у самого входа.

О чем тебе снится, лисичка?
Не о погоне ль собачьей?
Спас тебя, рыжую, дождик;
Счастье тебе, не иначе.

О чем тебе снится, лисичка?
Что в жизни не вышло, не сбылось?
Ты не жалеешь, сестричка,
Что рыжиком в свет появилась?

О чем тебе снится, лисичка,
Уткнувшейся в рыженький хвостик?
Наверное, серая мышка,
А не злодей, не охотник.

Что ты проснулась, лисичка?
И где твои малые детки?..
Плакала долго сестричка:
«Злыдни их сунули в клетки».

Сцена из собачьей жизни

Я был свидетелем картинки,
Как днем осенним, на юру,
Два пса бездомных дрались насмерть,
Чтобы забраться в конуру.

Хвала ему, творцу строенья!
Из крепких досок крыша, пол.
И даже клочок сухой соломы
В ней победитель бы нашёл.

Немного, правда, пахнет псиной...
Но что поделывать, коль Барбос
В ней прожил целый век свой длинный
И службу верно людям нёс.

И в стужу, в слякоть, в непогоду
Он громко лаял по ночам...
Такая уж его работа,
Мешать поспать спокойно Вам.

Но потихоньку все стареют
И стал не молод и Барбос.
Болезни тихо одолели...
И шерсть свалялась... Высох нос...

И, без излишних «предрассудков»
Хозяин взял своё ружьё,
Хлестнул из двух стволов как в утку;
На свалке псу «воздал своё».

Вернулся. Будка без собаки...
Тоска вдруг за душу взяла...
И стала та причиной драки
Двух нищих, что судьба свела.

Вдвоём не влазят, видно сразу,
Тут одному б хоть зад прикрыть.
Четыре заблестели глаза,
Нашлась в обоих злость и прыть...

И вот, сцепились меж собою!
Мелькают лапы, плещет злость!
До горла каждый рвётся с бою,
Чтоб мёртвой хваткой, как велось.

В грязи измазались по уши,
Породу, масть не различить...
А ветер гонит злые тучи;
Через недельку снегу быть...

Дрожат они в изнеможеньи,
И нет уж сил продолжить бой,
Хрипят, устали, оба в пене
Перед заветной конурой.

А в это время по дороге
Качаясь брел, подвыпив Фрол,
Кого-то крыл «в Христа и в Бога»
И к будке старой подошёл.

Два пса отведали по ребрам
Для сил поддержки сапога
И с визгом отбежали оба
От злого, страшного врага.

Взглянув на будку мутным оком,
Архитектуру помянув,
Он «сунул» так, что враз обломки
Сапог по сторонам метнул.

Псы заскулили, съёжась сразу,
А пьяный дальше путь повёл.
Они ж поковыляли рядом
Туда, откуда он пришёл.

И разногласий бесконечных
Не стало вдруг для обоих.
Таков финал проблемы вечной...
Не так ли и в делах людских?

* * *

Бомж в помойке рыщет,
Шарит по бачкам.
Видно что-то ищет.
Что? Не знает сам.

Перегоны судьбы

* * *

Когда от привокзального перрона
Уходит поезд навсегда,
И отплывают в путь вагоны.

Когда уходит от перрона,
Моя печаль, моя беда,
И мчит состав по перегонам.

И фонари, столбы и рельсы
Летят за мчащийся состав,
Я у окна стою, устав,
Гляжу на мчащиеся рельсы,

На фонари и на столбы...
Вся бесполезность круговерти.
Мне кажется, вы мне поверьте,
Несется прямо из судьбы.

* * *

Среди Вас, приводимых в движение,
Поутру пробудившимся духом,
В мятых джинсах и с мятыми мыслями,
И бредущих в своих заботах,
В суете позабывших о Вечном,
Среди гула машин и трамваев,

И плывущих в утробах трамваев,
И вершащих по кругу движение,
В этом грохоте рельсовом, вечном.
Я стою, собираючись с духом,
Поделиться о разных заботах
И другими неясными мыслями.

Но терзания этими мыслями,
Исчезают под грохот трамваев,
Растворяется грусть о заботах,
Застывает и мыслей движение,
И опять собираюсь я с духом
И мечтаю о чем-то, о Вечном.

Я в вагоне мечтаю о Вечном,
Я подавлен наплывшими мыслями,
Заражен их, как вирусом, духом,
Тем что в грохоте бродит трамваев,
Тем, что дарит с утра нам движение
День за днем в бесконечных заботах,

В человеческих, разных заботах,
Средь которых, в страдании вечном,
Совершается наше движение.
И, объятые глупыми мыслями,
Мы висим на подножках трамваев,
Тех, ведомых трамвайщиком-духом.

В вечной схватке я с города духом,
Тем, что топит в болотах-заботах,
И летят под колеса трамваев,
Все мечтанья о чем-то о Вечном.
Я прощаюсь с погибшими мыслями
И кричу: «Прекратите движение!»

И о Вечном, собравшись с мыслями,
О заботах, среди смолкших трамваев,
Гордый духом, вершу я движение!

* * *

Мчался мой поезд. Полок качало.
В темных тоннелях носился рокот.
Молча смотрел я в окно вагона.
Встречных испуганный слышал грохот,
Сколько их за ночь в пути встречали,
Птицею, пулей промчались... Вона.
В стук колесном плыла канцона,
А, по-простому, звучала песня.
Ритм задавал ей встречный товарник —
Встречный ударник,
Сильную долю бренчали вместе
Ложка и чайник.
Ребра на полке им вторили дружно,
Вместе со мною, лежащененужным.

Дни пролетали в вагоне этом,
Месяцы мчались за мной в разъезды,
Не догоняли, так нес курьерский.
А над вагоном светили звезды,
Состав освещали нелепым светом,
Летящий в ночи, спешащий дерзко,
«Спешащий, дерзко, спешащий дерзко...»,
Так сердце под ритмы колес стучало.
Летели зимы и мчались весны
Под ритм колесный.
Летело время, что с нами мчало,
Как миг чудесный,
И, исчезали, отстав в погоне,
Секунды и годы на перегоне.

Жизнь на колесах, на перекатах,
Оставлена где-то в гулких тоннелях,
Хлопали двери, входили люди,
И говорили со мной, и ели,

Пили, шутили, ругались матом,
И, незаметно себе, старели...
И, уходили... Полки пустели...
Хмурился грустно вагоновожатый —
Место не занято, не измято.
А вдоль дороги навстречу версты,
Всё полосаты...
Летят как вехи долгих страданий,
Пустых начинаний и ожиданий.

Поезд несется, несется в Вечность,
Кормчий рулит по дороге в мраке.
Брякают сцепки на стыках глухо.
Вошла бортстаруха:
— Подходим к станции... Вот и знаки.
На улице сухо.
Погода ясная. Станция «Небыль!»
Всё! Приехали! Вы на небе!

* * *

Годы текут в небо синее,
Как солнца лучи убегают в горы,
Ну и душа вслед за ними.

Души в зиму дрожат в инее,
В зимнем ромашковом мерзнут море...
Годы текут в небо синее,

Мчат и пищут крутые линии
В неба зимнего акватории...
Ну и душа вслед за ними!

Смотрит в мир, в небо зимнее,
Ищет счастье, находит горе,
А годы текут в небо синее,
Ну и душа вслед за ними.

* * *

Куда душа твоя гонима
Идет средь царствия теней,
Тех дней былых, неисчислимых,
Давно угаснувших, углей?

Что ждет её среди скитаний,
Среди безжизненных пустынь,
Среди теней былых страданий
И среди призраков-гордынь?

Кому, светла и одинока,
Она достанется однесь?
Быть может — идолу порока,
Быть может — ангелу с небес?

А может быть, она завянет,
Погибнув, превратится в пыль,
Иль дико бурьянами встанет,
Иль степь укроет, как ковыль?

Иль в будущем грядущем дальнем,
То может стать в её судьбе,
Что картою она игральной,
Опять достанется Тебе?

* * *

За кулисами пусто. Друзья разошлись.
Сладкий дым поздравлений развеялся.
И автографов брызги в афишки вплелись,
Тем, которые и не надеялись.

А сейчас на дворе ночь стоит над землёй
И софиты на сцене погашены.
Лишь артист, что зовётся с экранов
звездой,
Отдыхает от роли дурашливой.

Он стирает с лица нарисованный грим,
Смотрит в старое доброе зеркало.
Сколько с ним он прожил, с отраженьем
своим?
Сколько лет пролетело, проехало...

Сколько их из под грима вылазит —
морщин?
Это к славе, увы, приложение...
А под льном парика, сколько новых
седин...
И предвидится их пополнение...

Дом... Там нет никого.
Как-то так уж пришлось.
Всё куда-то исчезло, не склеилось,
Только кожаный друг скрипнет,
как повелось,
Да и то, как обычно, не весело.

Сон неважный на нём, ночью кости болят,
Жизнь, похоже, идет к завершению...
И глядит на артиста задумчивый взгляд,
Оброненный в стекло на мгновение.

Завтра снова триумф!
Завтра новый экстаз!
И всеобщее глаз обожание.
А второй стороной жизнь
встает в поздний час,
Неизвестной и полной страдания.

* * *

Расходилась вьюга
За окном у хаты.
Тарахтит калиткой,
Бьется о крыльцо.
Скрылся где-то в ночи
Тощий и щербатый
Месяц-месяцович —
Серебра кольцо.

Топит, донимает
Сон рукою томной.
Шепотом о лете
Что-то говорит.
А над сугробом белым,
Горько и истошно,
Мать-пурга рыдает,
Все судьбу корит...

...Пышная невеста —
Теплою весною,
Во широком поле —
Яблоня — цветет.
А у той-то яблони
Черный крест дубовый,
А над ним соловушка —
Милый друг, поет.

Вечер наступает,
Зажигает зори,
Грустная та песня
Расцветила даль.
И роняют звезды
Слезы в неба море,
Разливают в росы
Тихую печаль,

Расходилась вьюга
За окном у хаты.
С яблонь цвет последний
Сыплет, порошит.
А над трубою месяц —
Тощий и щербатый..
И гармошка где-то
Плачет, голосит.

* * *

Жизнь проходит полосами
Белыми и черными,
Что на мира карте схожи
С тропочками горными.

И на этих самых тропах
Часто мы встречаемся,
Интересами своими
Мы соприкасаемся,

И бывают в жизни этой
Стычки за влияние,
Над каким-то важным местом
За преобладание.

Часто жизнь играет нами —
Миг удачи блазнится,
Продаем друзей борзыми:
«Да, какая разница!»

Но, не легок камень этот,
Что на душу свалится,
Тяжелеет он с годами,
Сам он не отвалится.

И, от веса надорвавшись,
Каемся и плачемся
И на кладбище «шагаем»,
А, вернее, «тащимся».

Последняя пристань

Старая пристань

Старая тихая пристань
Моих состоявшихся дней,
Яхты на привязи — мысли —
Спутники жизни моей.

Их паруса обветшали,
Краска истерлась бортов,
Время украсит, едва ли,
Это понятно без слов.

Скрипом болезней, печали
Пирс переполнен пустой;
Весело будет, едва ли,
В вечность уйти на постой.

* * *

Вчера мы могилу рыли,
Летели комки земли,
Отбойниками долбили,
В глубины мерзлоты шли.

Курили и водку пили,
И, где-то уже к ночи,
Последний комок, насилу,
При лунном свете свечи,

Достали из мрачной ямы,
Пробивши земную твердь,
И разбрелись сами,
И с нами тащилась смерть.

А на краю глазницы,
Зияющей при луне,
Повисла Его колесница —
Тень мрака на черном коне.

Изваянья

Сидят вороны на крестах
Как изваянья горя вдовьи,
Как часовые на постах,
Крыла сложив у изголовья.

Их черным бархатом храним
Покой уставшего бродяги.
Быть может, был он Серафим,
А может, сволочью и скрягой.

Роль каждого в листах Таро,
Дающих нам о ней ответы.
Быть может, делал он добро
И одарял небесным светом,

А может быть, он так грешил...
Но я, усопшего не зная,
Седую голову склонил
Его надгробье освящая.

Он жил как мог. Теперь ушел.
И мне идти туда же в землю,
И надо мной могильный холм
Поднимется, меня приемля.

И над бурьяном, на кресте
Вороны, на моем погосте,
В своей извечной маете,
Перемывать мне будут кости.

* * *

*Когда умру я и меня забудут,
Все также будет солнышко светить.*

Мария Филатьева

Когда умру я и меня забудут,
Все также будет солнышко светить,
И небо, знаю, голубое будет
И кто-то будет в этом мире жить.

А я исчезну среди недр планеты
И растворюсь, смешаюсь я с землей.
Года пройдут и, позабыт на свете,
В небытие уйду я на покой.

Стирает память поколений Вечность,
И монстров убирает, и святых.
Ничто не превозможет Бесконечность,
Всё канет в мраке в терниях глухих.

Исчезнет и сама Земля-старушка
Среди космических неведомых глубин
Цена ей, как и мне — всего полушка,
Ну, в крайнем случае,
заржавленный алтын.

И даже Дух, который создал это,
И тот исчезнет, и исчезнет свет,
Что ставит точку в мировом сюжете,
В тот миг последний завершенья лет.

* * *

Над арбой судьбы моей
Закружились птицы
Вереницей долгих дней,
Не остановиться.

Закружилось колесо
Над водоворотом,
А перед глазами всё,
Что за поворотом,

То, что в жизни нанесло,
Напереживалось,
В ту стремнину всё ушло,
Лишь ничто осталось.

Закружилось вороньё,
Над арбой судьбиной.
Ждёт, что кончится быльё
Путь-дороги длинной.

Будет им вселенский рай
И кресты-наседы.
И замкнут крылами мир
Вдовушки-невесты.

И, присыпанный землёй —
Двухметровым слоем,
Получу я упокой,
Стану так спокоен,

Что послушаю с часок,
Как по мне страдают,
И помру ещё разок...
Пусть переживают!

А потом вернусь домой
И родню потешу.
«Потому», — скажу:
— Живой!

И жену утешу.

И по шее получу
За семьи расходы.
Ну, а после покачу
Я арбу в восходы.

Пусть бряцает мой возок,
Исполняет номер,
Чтобы слышал ты, дружок,
Что я ещё не помер.

Монета судьбы

Летит монета в высоту!
Летит монета!
Её ловлю я на лету
И жду ответа.

Разжать кулак я свой боюсь,
Да и понятно,
Вдруг снова, снова ошибусь,
Что вероятно.

До боли пальцы сжал, а в ней —
В моей ладони,
Пятак мой путь предначертал,
Теперь, сегодня.

Тепла ладонь, а на виске
Прожилка бьётся.
«Вдруг счастье в этом пятаке
Бедой взорвётся?»

«Открыть?
Взглянуть?
Но нету сил
С судьбой тягаться».
И руку я в карман вложил,
Чтоб не пытаться.

Тут,
прежде, чем открыть кулак,
Подумать стоит,
Чем жизнь тебя за этот шаг,
Вдруг удостоит?

«Разжать!»
Но так его свело
С судьбой в ладони,
Что тут вдруг до меня дошло:
«Вся жизнь в жетоне!»

И как-то горько стало мне,
Что жизнь в полушке,
Или вот в этом пятаке...
Ни за понюшку,

Что взял я символ этот свой —
Пятак на вечность
И запустил под свод пустой
Ввысь!
В бесконечность!

Летит монета в высоту!
Летит монета!
Её слежу я на лету...
Не жду ответа.

* * *

Я иду в никуда,
Выйдя из ниоткуда.
И за мной в небесах
Остаются следы,

Сотворение Мира
В пылинках их будет
И родится Добро,
Антиподом Беды,

И родится вдруг Свет,
Из того ниоткуда,
И противник ему —
Из бездонности Мрак,

И появится Бог,
И появятся Люди,
И Вода, и Огонь...
Вспыхнет вдруг Зодиак...

И протянет с Земли,
Появившейся чудом,
Руки к Солнцу, что вспыхнет,
Простой Человек,

И начнется наш Мир...
Я мечтаю, так будет!
А пока только пыль
Начинает разбег.

* * *

Ползет арба моей судьбы.
Скрипят колеса.
Жизнь вяжет петли из беды,
Сует вопросы.

И каждый новый из узлов,
Что захлестнется,
На постромках годов-волов
В рубец свернется.

Вот жизнь уходит под уклон,
Колеса вертит.
И время мчится им вдогон
Средь круговерти.

И ты за временем спешишь,
Не догоняешь.
И, загнанный, упав, храпишь...
И умираешь...

Арба судьбы в обрыв летит
На повороте...
Внизу Вселенная шумит...
В водовороте...

* * *

Я жил, я был, существовал
На этой голубой планете,
Боролся, падал, побеждал
И радовался свету

И видел я зари восход,
И видел в небе тучи,
И видел птиц веселых взлет,
И гор я видел кручи,

И видел дождь и снегопад,
И шел лесной тропюю,
И видел ночью звездопад,
И море голубое,

И на заре реки стекло,
И дым трубы над крышей,
И рук я чувствовал тепло,
И голос милой слышал,

И строил новый светлый дом,
И шел с утра в дорогу,
И возвращался вновь и вновь
К любимому порогу.

И я ушел... Но я же жил
На этой голубой планете!
И пусть меня весь Мир забыл!
Я счастлив был на свете!

О «ЩЕБЕТАНЬИ»

* * *

*В наш век разборок не нужны поэты!
Средь грязи мира не до красоты!
В развалинах идей не ищут света
Слепые разношерстные кроты.*

* * *

Два непризнанных поэта
Выясняли, кто из них
Круче всех сейчас на свете
Написать нам может стих.

А вокруг светило солнце,
Птицы пели и трава
Пробивалась, а в оконцах
Так играла синева

От небес, упавших в лужи,
В глаз подснежника и в мир,
И творила мир наш лучше,
Чем любой из двух задир.

А вокруг играли блики
Ярких солнечных лучей,
Не взираючи на крики
Рвущих тельники людей.

Ей — природе не до этой
Их потешной шелухи,
В этот миг для всех на свете
Пишутся Её Стихи,

Пишутся Её Картины
И Мгновения Надежд,
Трели песен соловьиных,
Ну, и крики двух невежд.

* * *

Мой дружок всегда в фаворе,
Пишет в красках он лихих!
Он — солист в восторгов хоре!
Как вулкан рождает их!

Я ж ненастия в миноре
Вижу среди мрака туч,
Как в миноре вижу горе
И валун, летящий с круч.

Потому, что этот камень —
Порожденье многих бед...
И в костра горящий пламень
Грустный я сую сюжет.

Он — трагедия и муки,
Коль уйдет из очага,
И имеет злые руки...
Он минору как слуга...

Мой же друг — «придуток счастья» —
Черт не видит тех лихих
И в мажоре про ненастья
Кроет, радуясь за них.

Он — как рыжий — брат-коверный,
Я — как грустный Арлекин,
Он горит пожаром — вздорный,
Я ж пожарный сих картин.

На арене цирка мира
Он — Мажор, а я — Минор —
Две отличных половины...
Общий лишь у нас... ковер.

* * *

Словно сука, на морозе,
Завывал стихи поэт,
Про какие-то там грезы,
Про луну и про рассвет.

Он, заламывая руки,
К нашим чувствам призывал,
Говорил нам о разлуке,
К смысла поиску толкал.

В монотонье поэтичном
Он стоял и причитал,
И к прохожих безразличью,
Сердца ключья в пасть кидал.

А народ от смеха падал,
Падал со смеху народ,
И в ответ на штиль поэта
Говорил он: «Вот урод!».

И корявым, грязным пальцем,
Ковырял в углах души —
Мял цветы в садах страдальца
И кидал ему гроши.

Спящий поэт

Корки в ламинате...
Мордою в салате
Наш поэт «уоставший»
Под кроватью спит.
На столе в томате
Килька...
На лопате
Кус торта, опавший
За вечер, лежит.

Рядом пол бутылки
И горбушка хлеба,
Колбасы огрызок
И селедки хвост...
Комната-курилка,
Сизый дым до неба,
Яблока огрызок...
Натюрмортик прост.

Были в этот вечер
Сотни уверений,
Кухонные сплетни
И гитарный стон...
Куча поздравлений...
Этим днем осенним
Путь десятилетний
Завершает он —

Тот, что спит под койкой —
Истощенный малый,
Неподъемной дозой
Скошен в цвете лет,
«Обмывает» сборник,
Выложив немало,
Чтоб души мимозы
Увидали свет.

Может быть он станет,
После, знаменитым,
Кресло оседлает,
Где-нибудь в «Верхах».,
Бесконечно занят,
С временем «забитым»...
И запроцветает,
Но... не на Стихах.

Почему-то, нынче,
В нашенском Дурдоме,
В нашенской России,
В двадцать первый век!
Нам Поэт не нужен!
Никому не нужен!
Никому не нужен
Этот Человек!

Впрочем, он и в прошлом
Был всегда гонимым.
На Руси холуйской,
При тупых жлобах,
Жизнь поэтов пошла
И сейчас, и в прошлом.
Мы их почитаем
Только лишь в гробах.

Так что спи покуда,
Неуемный малый.
Отдыхай, сердешный,
Завтра будет бал.
И придет Иуда,
Паренек удалый,
Что в делах заплечных
Много «созидал».

Он тебя «уважит»
И переоденет,
В тапочки обует
Сплавит на погост,
Над могилкой скажет
И повесит «веник»,
Малость погорюет
И понимает тост...

Будешь ты известен.
Будешь всеми признан.
По команде вспомнят:
— Был у нас такой!
— Ах, как мир наш тесен!
— Он был Богом избран!
— Человек огромный!..
— Жаль, что не живой...

Пегас

Стихи мои всем сильно надоели.
Я сам, друзья, всем сильно надоел.
Арба моя плетется еле-еле.
Похоже, силы у Пегаса на пределе,
А, может быть, не то он что-то съел,
К примеру строк не тех он обожрался,
Как видно, я того не досмотрел.

Он на Парнасе в ступе мелет воду,
Мой злополучный, мой ишак-пегас —
Ишак! Не мерин! Он другой породы,
Поскольку мерин пишет про природу,
А мой — ишак. Коль пишет, то про Вас,
К примеру, про гонения и муки
И про святой последний жизни час.

Ему я должен всыпать! Непременно!
Березовую палкою из слов.
Он загрустит «от счастья», несомненно,
И заорёт, надув на шее вены,
Сильнее стада лириков-волов,
К примеру, о судьбе моей никчемной
И трудной жизни мулов и ослов.

И потрусит, избитый и гонимый,
По творчества растерзанным мирам,
Мой ишачок, хоть битый, но любимый,
Березовую кашею кормимый,
И станет он намного ближе нам,
К примеру, в том, мой друг
«высококчтимый»,
Что «каши» той дают сейчас и Вам.

Содержание

«Жизни пули — года...»	3
«Повстречался мне...»	4
Кукушка	6
«По Чумацкому шляху небес...»	7
Идея	9
«Над трагической ролью людскою...»	11
Триптих	12
«Сидящий над нами...»	14
«Нас хвостатый наездник...»	16
«Скачет маленький теленок...»	18
«Начертан путь! И не свернуть!»	19
Вещий сон	21
«Везу свою арбу судьбы...»	23
«Мои мысли, как птицы...»	24

Картинки с «выставки» жизни

«Улицы заполнены народом...»	26
«Прошло немало после пробужденья...»	27
«Какие смутные настали времена!»	29
«Вечер наступает...»	29

Житейский эпизод	30
Одинокий бомж	35
День зарплаты	37
Завтрак простого человека	40
«Я брожу мимо местного “МУРа”...»	43
«Толпа льстецов стоит у трона...»	46
Московский сюжет	47
«Армагедон»	50
Моя Русь	51
Молитва перед сном	53
«Светлый день, ты уже не за лесушком...»	53
«Спит под звездами тихая речка...»	54

Сцены из «собачьей» жизни

Плач Жучки	55
Перед чаем	57

Мессия	58
Лисичка	59
Сцена из собачьей жизни	60
«Бомж в помойке рыщет...»	62

Перегоны судьбы

«Когда от привокзального перрона...»	64
«Среди Вас, приводимых в движение...»	65
«Мчался мой поезд. Полок качало»	67
«Среди растерзанных осенними дождями...»	69
«Годы текут в небо синее...»	70
«Куда душа твоя гонима...»	71
Черно-белые сны	72
«За кулисами пусто. Дружья разошлись»	74
«Расходилась вьюга...»	76
«Жизнь проходит полосами...»	78

Последняя пристань

Старая пристань	80
«Вьется пыль да ковыль, вьется ветер шаловой...»	81
«Вчера мы могилу рыли...»	82
Изваянья	83
«Когда умру я и меня забудут...»	84
«Над арбой судьбы моей...»	85
Монета судьбы	87
«Одна у дня всего лишь половина»	89
«Я иду в никуда...»	90
«Ползет арба моей судьбы»	91
«Я жил, я был, существовал...»	92

О «щебетаньи»

О щебетаньи	94
«Два непризнанных поэта...»	95
«Мой дружок всегда в фаворе...»	96
«Словно сука, на морозе...»	97
Спящий поэт	98
Пегас	101

Сергей Иванович Абраменко
АРБА СУДЬБЫ
Стихотворения

Верстка *С. И. Абраменко*

Сдано в набор 30.01.06 г.

Подписано в печать 12.02.06 г.

Формат 84×90_{/32}.

Гарнитура «Журнальная». Усл.-печ. л. 4,55.

Тираж 300 экз.

Заказ № 24.

Издательство «Цицера»
454091, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Отпечатано в типографии
«Фотохудожник»,
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155-1.